

УДК 94(47).045:(4-15-43)(093)

П. Л. Карабущенко [P. L. Karabuschenko]

АНАТОМИЯ РУССКОЙ СМУТЫ**THE ANATOMY OF RUSSIAN THE TIME OF TROUBLES**ФГБОУ ВО Астраханский государственный университет, г. Астрахань, Россия,
E-mail: Pavel_karabushenko@mail.ru

Аннотация. В своей истории Россия пережила две великие смуты (начало XVII и XX столетий), и массу более мелких социально-политических потрясений, которые в разной мере колебали ее политические и социальные устои, заставляя власти и общество искать и находить новые компромиссы, иной баланс сил, другие формы совместного общежития.

Материалы и методы. Люди смутного времени обладали целым набором отличительных характеристик, отделяющих их от граждан законопослушного времени. Особенно это касается политических элит, ведущих в это время крайне деструктивный образ жизни. Сама Смута является исторической точкой бифуркации, сменой мировоззренческих парадигм, обновлением устаревших традиций и обнулением актуализации прежних заслуг и привилегий.

Результаты. Системный конфликт становится фундаментальным стрессом для процесса элитогенеза, ломая прежние веками отработанные схемы селекции элит и лидеров. Вертикаль власти ослабевает и распадается на фрагменты. Фрагментируется и само общество, раскалываясь на плохо взаимодействующие структуры, переставших воспринимать и понимать других, оценивая их в качестве чужого и враждебного. Такая же фрагментация постигает и историческую личность, которая перестает соответствовать своим прежним культурным кодам, пребывая в состоянии постоянного поиска нового смысла своей жизни. Анатомия Смуты представляет собой систематизацию объективных и субъективных причин, приведших государство к подобному крайне нестабильному состоянию (политической энтропии).

Заключение. В настоящей работе раскрывается механизм формирования и существования политики смутного времени, дается компаративистский анализ двух русских смут XVII и XX столетий, их общие и особенные характеристики.

Ключевые слова: самодержавие, элита, смута, революция, иерархия, фальсификация, политическая борьба, конфликт, война, «человек смутного времени», «люди смутного времени».

Abstract. In its history, Russia has experienced two great turmoil (the beginning of XVII and XX centuries), and a lot of smaller sociopolitical upheavals which degrees shook the its political and social foundations, forcing the authorities and society to find new compromises, a balance of power, other forms of joint common life.

Materials and methods. People of turmoil times had a set of distinctive characteristics that differed them from the citizens of peaceful time. This is especially true of the political elites, leading extremely destructive lifestyle at that time. Turmoil is a very historical bifurcation point, the change of philosophical paradigms, updating outdated traditions and zeroing actualization of previous achievements and privileges.

Results. Systemic conflict becomes fundamental stress for elitogenesis process, breaking the previous centuries spent elite breeding scheme and leaders. Vertical power weakens and breaks into fragments. The society itself is fragmented splitting a poorly interacting structure ceases to perceive and understand the other, judging them as alien and hostile. The same fragmentation comprehends the historical person who has ceased to fulfill its former cultural codes, in a state of constant search for a new meaning of life.

The anatomy of the Time of Troubles is a systematization of objective and subjective reasons that led to such a state is very unstable state (political entropy). In the present study we reveal the mechanism of formation and existence of the

Conclusion. Time of Troubles policy, give Comparative analysis of two Russian troubles of the XVII. and XX. centuries, their general and specific characteristics.

Key words: autocracy, elite discord, revolution, hierarchy, falsification, political struggle, conflict, war, "person of troubled times", "people of troubled times."

Введение. Анатомия русской Смуты предполагает анализ неадекватного поведения властей и встречные протестные, но тоже деструктивные по своему характеру общественные действия, направленные на нивелировку возникшей угрозы и стремления вернуться к стабильной системе национальной безопасности. Таким образом, анализ природы Смуты начинается с установления диагноза состояния здоровья власти, продолжается анализом общественного состояния и заканчивается вынесением приговора исторической науке, которая оказывается виновна в том, что опять никого ничему не научила.

Основной задачей настоящей работы – выявить общие характерные черты и особенности природы политической Смуты, описать и проанализировать принципы и законы, по которым она развивается, а также каких героев и антигероев она порождает и каким обладает самосознанием (рефлексией) ее главных участников. Исходя

из этого в качестве *объекта* нашего исследования мы выделяем сам феномен русской Смуты, представленной конкретными событиями начала XVII и XX столетий, а в качестве *предмета* определяем профессиональные особенности власти (элиты) в условиях полномасштабного системного кризиса. Для раскрытия диалектических связей и установления логики внутреннего развития процессов смутного времени, нам предстоит комплексно использовать методы компаративистики и герменевтики, активно применять исторический метод, а также ценностно-нормативный, системный, структурно-функциональный и психологический методы исследования.

Материалы и методы. Настоящей работой мы пытаемся восстановить код смутного времени и анатомию поведения людей во время мятущихся событий. Люди смутного времени - это особый тип, возникающий на изломе эпох и сломах традиций. Его генотип выводится на основе анализа всего массива первоисточников, содержащих свидетельства об мировоззренческих особенностях той эпохи. История по Платону, это попытка припоминание прошлого, путем логического выведение неизвестного из уже известного (*Критий*, 108c-118a). Забытые дела – забвения разума, погружение сознания в мифологию, где красивый вымысел заменяет отсутствующую рациональность (*Критий*, 109d). Именно с целью избежать мифологизации событий смутного времени, мы и пытаемся разобраться в её реальной анатомии, раскрыть кодировку тех событий, утаенную в секретных замыслах и скрытых мотивациях ее основных участников.

В связи с обозначенным предметом, нас в первую очередь интересует не самостоятельность уже революционно настроенных масс, а то, как ведет себя власть и высшее сословие в процессе складывания т.н. «революционной ситуации», как элита своими руками создает и пестует своего «могильщика» и как она затем участвует в своих собственных похоронах. О том, что элиты несут свою вину за складывание революционной ситуации, писали многие авторы прошлого. Так, ещё В.О. Ключевский прямо обвинял в возникновение смуты XVII в. боярские козни и негодное чиновничество [Ключевский, 1988 : 27-29]. Один из теоретиков национального пути русского народа публицист из газеты «Новое время» М.О. Меньшиков (1859 – 1918) отмечал, что «в истории революций нет интереснее той части, где описывается, как сама власть, точно ослепшая, готовила бунт, усердно работала над крушением общества, расшатывала устои - и вдруг тысячелетняя почва проседала и в пропасть валились древние установления, пышные титулы и еще недавно твердые, как гранит, законы» [Меньшиков, 2000 : 27] Именно эту сторону власти мы и постараемся осветить на страницах настоящей работы.

Смута возникает тогда, когда наступает всеобщее гражданское помутнение разума и государство оказывается совершенно беспомощным преодолеть возникшее отчуждение власти от народа. Таковыми в России были события 1598–1612 и 1917–1921 гг., получившие в историографии названия «Смутного времени».

Результаты и обсуждение. Люди первого смутного времени (1598–1613 гг.). Главная цель истории – не столько докопаться до сущности времен Адама и Евы, сколько понять почему мы такие как есть, и что нас сделало таковыми. История представляется процессом поэтапного сотворения национального духа, полученного в наследство от наших предков. Если А.С. Пушкин описывал русскую смуту («Борис Годунов», «Капитанская дочка»), стремясь проникнуть в психологическую ткань этого процесса, то Ф.М. Достоевский мучился предчувствием наступления нового «бесовского времени», и предостерегал тех, кто толкал страну к этой пропасти. И в этом предостережении уже содержится код грядущих революционных потрясений.

Рефлексия участников первого смутного времени фиксируется не только на страницах их официальной переписки и воспоминаний, но также проявляется и в самих мотивах их поступков. Лица, облеченные властью в своих официальных документах порой перестают говорить правду и выдают желаемое за действительное, излагая события в выгодном для них свете. В смутное время прекрасно срабатывает принцип перемешивания достоверной информации с вымышленной, и усиление информационных атак на своих противников в ключевые моменты истории. При этом в зависимости от конъюнктуры меняться местами могут герои и антигерои, переворачивая вокруг себя и все информационное пространство. От того работать с документами этого времени крайне сложно [Памятники Смутного времени, 2001]. Особый интерес представляет сравнительный анализ рефлексии дневниковых записей интервентов (С. Кобежицкий, И. Будило, М. Мнишек и др.) и воспоминания русских участников тех событий (А. Палицын, И. С. Тимофеев, А. И. Хворостинин и др.).

В первую очередь Смута означает *раскол элит* и их неспособность эффективно управлять страной. Понижение профессионального уровня и активности верхов сопровождается усилением нигилистического брожения низов, почувствовавших слабость государственной узды и попытавшихся самоорганизоваться по своему усмотрению. Борьба боярства за сохранение и приумножение своих родовых привилегий и политического влия-

ния на самодержавие, привела к расколу правящего класса. Именно эти притязания послужили причиной прямой борьбы аристократии с верховной властью. И царская власть оказалась не готова к такому противостоянию. Прежде всего, у нее не хватило персонального ресурса (царь как личность оказался слабее суммарной личности русского боярства). На раскол элиты наслонился еще и углубившийся социальный раскол - это было время, когда «господин не был уверен в слуге, слуга в господине» [Будило, 1872 : 361]. Социальное напряжение усугубил голод, унесший по оценкам историков до полумиллиона россиян [Соловьев. 2001 : 534]. Голод и нищета стали главными спутниками всех русских Смут, определяя вектор и динамику народного протестного движения.

Вина за все эти несчастья пала на главу государства, который «незаконно» занял престол в обход знатнейших родов, чем и вызвал протест боярской оппозиции, своим саботажем приведших страну на грань национальной катастрофы. Помимо Бориса Годунова обвинение в подготовке условий смутного времени ложится также и на личность царя Ивана Грозного. Непосредственный участник той Смуты дьяк И. С. Тимофеев (ок.1555 – ок.1631) прямо указывал на грех грозного царя в разжигании внутреннего раздора: «Течение его жизни не было ровным; в юности он находился более чем часто в гневе и чрезмерной ярости, без милосердия поднимающихся в нем против нас за наши грехи, так как он был удобоподвижен к злобе как по природе, так вместе и из-за гнева. Больше к единоверцам, которые находились в его руках, под его властью, к близким ему людям — великим и малым, — нежели к врагам, он оказывался суровым и неприступным, а к которым ему таким быть следовало, к тем он был не таким от поднимающегося в нем на своих людей пламенного гнева» [Временник. 1951 : 173-174]. Именно деспотическая политика Ивана Грозного в отношении его аристократии и возбудило ненависть последней к русскому самодержавию. «Этим он произвел в своей земле великий раскол, [Выделено – П.К.] так что все в своих мыслях недоумевали о происходящем; думаю, что он и бога самого премилостивого ярость против себя разжег этим разделением, как бы предсказывая (прообразуя) теперешнее во всей земле разногласие, с того времени (начавшееся) и сейчас (происходящее)» [Временник. 1951 : 174]. Тимофеев высказывает предположение, что «таким (как Борис Годунов) людям дверь дерзания на подобные (дела) непозволительно открылась уже давно, возможно – от самого (того времени), когда прекратились (истинные) самодержцы» [Временник. 1951 : 244]. Таким образом, ложное самодержавие лихих людей сама по себе уже есть смута воровского времени.

Другой свидетель тех событий Авраамий Палицын тоже прямо обвиняет элиту в зачинании Смуты на Руси: «И сего ради не бысть совета блага между воевод, но вражда и мятежь... И бысть во всей Росии мятежь велик и нестроение злейши перваго; бояре же и воеводы, не ведуще, что сотворити, зане множество их зело и в самовластии блудяху...» [Палицын, 1909. Гл.71]. Политический блуд воевод и бояр и спровоцировал падение престижа самодержавной власти. Досталось от Палицына и воровскому казачеству: «казацкого же чина воинство многочисленно тогда было и в прелесть великую горше прежнего впала, предалось блуду, питию и зерни, и пропивше и проигравше вся своя имения, насиловало многих православных христиан» [Палицын, 1909. Гл.71]. Творимое ими насилие было сродни иноземному нашествию.

Многие современники Смуты воспринимают это время как эпоху торжества ложного и катастрофического сокращения достоверного. Как непосредственный участник событий, свое «Сказании» (1620 г.) Авраамий Палицын пишет практически сразу же после окончания Смуты, сам пытаясь для себя понять истоки и смысл этого общерусского бедствия. Он отмечает, что многие в это время перестали быть сами собой, сменили не только образ жизни и социальное состояние, но и прельстились самозванством. Во вторую русскую смуту революционеры тоже занялись самозванством, поменяв свои исконные имена на партийные псевдонимы, что тоже означало подмену личности. Но если самозванство первой Смуты имело целью приписать себе родство к достоинству прежнего времени, то самозванство второй русской Смуты, напротив, было отрицанием своего отношения к прежнему «темному» прошлому. Многие в Смуту выдают себя за других (не тех, кем они были на самом деле), и сами сочиняют о себе миф. Так личность подменяется личиной, маской, которая дает право на новую более счастливую (как им всем кажется) жизнь. Активистов Смуты Палицын характеризует, как «лжи ласкатели» и «зла начинатели» [Палицын, 1909. Гл.71]. Как природа омрачает небеса тучами, так и Бог омрачил всем разум - все впали в ужас и разъединились в своем мнении на «многие множества». И труд земной стал приносить негодные плоды [Палицын, 1909. Гл.2].

Непреложный закон Смуты гласит – совесть не указ, а рудимент мирного (порядочного) времени. Смута – время беспорядка, хаотизации морали и права. Многие с «чистой совестью» пошли служить Самозванцу, веря в его прирожденное право на власть. И многих ждало жестокое разочарование. Поэтому им пришлось в последствии оправдываться и даже каяться, за совершенные несправедливые деяния. Так, первый русский западник и один

из фаворитов Лжедмитрия I князь И.А. Хворостинин (ум. 1625) оценивал Смуту, как оскудение любви в человеке: «оскудели города, оскудели люди, - пишет он в своих «Словесах дней» (1619–1624 гг.), - но не оскудела мерзость, и возрос плод греха, распространились дела беззаконные, и возненавидели люди друг друга, и все чаще мы стали впадать в соблазн» [Хворостинин, 1913 : 233]. И началась эта скудость, по его мнению, с правящего класса, который забыл свой долг и утратил свою честь, поставив свои мелочные интересы выше интересов государства Российского. Цари перестали быть царями государственного долга и стали царями личной прихоти. Самозванец «прельстил души неразумных... и всех смутил» [Хворостинин, 1913 : 235]. В числе смутившихся оказался и сам Хворостинин, который при Лжедмитрия I получил чин кравчего, оказавшись в эпицентре событий 1605–1606 гг.

Во время Смуты XVII в. многие всплывшие на поверхность политического процесса персоны, пытались объединить вокруг себя силы, заинтересовав их конкретными перспективными проектами. И самая главная перспектива захвата власти была в измышлении нового самозванца [Скрынников, 1990]. У каждого смутного времени есть свой антихрист. В смутный 1605 г. им стал Лжедмитрий. Лукавая лесть этого обманщика соблазнила тогда умы многих россиян. «Явившись вполне сатаной и антихристом во плоти, он самого себя принес в жертву бесам», отмечает дьяк Тимофеев [Временник. 1951 : 254-255]. Населением самозванцы воспринимались как избавление от Смуты. Поэтому самозванство было с радостью встречено и за ним пошли многие [Будило, 1872 : 87]. Это уже затем будут оправдываться – лукавый, дескать, попутал: «И все последовали за ним, и все вместе лукавили, и никто мужественно ему не возразил, но все от страха пришли в смятение» [Хворостинин, 1913 : 236]. Смута потому и была Смутой, что всяк самозвано лез в цари. Абсолютный рекорд в этом смысле поставил Астраханский воевода И. Д. Хворостинин (кузен И. А. Хворостинина) - за три года он умудрился пообщаться сразу с 12 «царевичами», троих из которых, судя по всему, собственноручно создал для удовлетворения собственных нужд [Карабущенко, 2008 : 182-202] В сложившейся ситуации только всенародный (церковные иерархи «и все народное множество православных христиан») собор земли Русской мог по воле Бога выбрать законного царя [Палицын, 1909. Гл.71].

Смута также означает потерю национального суверенитета, выразившейся в интервенции иноземных войск. Так было в первую русскую Смуту, так случилось и во вторую. Авраамий Палицын описывает нашествие польско-литовских орд как самый настоящий национальный позор и унижение. И в этом плане ключевым событием стала осада Троице-Сергиевой лавры, которая в случае поражения несло Руси угрозу ее духовной гибели, а в случае победы – давало надежду на национальное возрождение [Соловьев, 2001 : 791, 825]. Впрочем, и сами интервенты тоже жестоко поплатились, придя с дурными намерениями в Московию. Описание перенесенных ими здесь страданий, вызывал дикий ужас у «цивилизованного» европейского читателя. Как писал в своем «Дневнике» один из этих интервентов, к концу Смуты от их войска вместо солдат «остались не люди, а одни тени, да и тех было мало» [Будило, 1872 : 362]. Россия стала кладбищем для большинства из них. Позором завершились блистательные планы. Так, за что им любить эту ужасную страну(!)

Неожиданные победы польско-литовских войск в Московии в начальный период блуда сыграли злую шутку с интервентами, вселив в них неоправданный оптимизм. «Победы в Московии ... такую произвели радость в Польше, что, казалось, *помutilи мысли и помешали рассудок короля и вельмож*: [Выделено – П.К.] они твердо были уверены, что побежденная Московия скоро будет под польский скипетром; уверенность в несомненной победе приводила в такой восторг, что многие уже толковали о преобразовании Московии в польскую провинцию. Не много было таких, которых занимала мысль о жаловании воюющему войску и об успехах восстания русских» [Сказания польского историка, 1842 : 6]. Соперничество и вражда внутри самих военных руководителей интервентов привела к тому, что объединенные силы русских одержали над ними победу 1612 г.

История свидетельствует, что Смута всегда замешана на крови, как виновных, так и невинных жертв. Жертвами Смуты становились как ее главные злодеи, так и святые. И общество после этого долго еще спорило о том, кто свят, а кто грешен. Смута XVII в. началась с гибели в Угличе царевича Дмитрия (1591 г.) и завершилась казнью воровского царевича Ивана (1614), повешенного по приказу нового царя в возрасте 4 лет в проезде ворот Спасской башни Московского Кремля. Русская Смута XX в. тоже прошла по детским жизням, словно и не было Достоевского предупреждения о слезинке ребенка; словно не было пушкинского призыва пробуждать милость к павшим... Смута к гуманизму глуха. Черства она и к голосу трезвого разума. Смута мстительна, причем мстит мелко и по обывательски гадко.

Смута – это также и демонтаж ценностей правящих элит; это война всех против всех при фатальном ослаблении государственной власти. Тогда разрушается общественный договор с властью, которая перестает

быть политической ценностью. При вакууме власти возникают альтернативы, активно оспаривающие приоритет друг у друга. Это было время, когда многие возводили свои дома на песке, мало заботясь о своей безопасности [Временник. 1951 : 287]. У отдельных сил оказывалось достаточно ресурсов, чтобы сложиться в некое подобие элитных групп, но не оказывалось сил для того, чтобы выразить ее в диктате своей власти [Карабущенко, 2008 : 189]. И не удивительно, что еще одним признаком смутного времени стали т.н. «воровские элиты».

«Ворами» в то время называли всех смутьянов. Но ворами воров были коррупционеры (клиптократия). Боярско-воеводская коррупция последних рюриковичей выродилась в клиптократию воровских элит смутного времени. Ворovali на Руси все, везде, всегда и много. Но особенно воровство процветало во время Смуты, достигнув своей абсолютной величины. Воровские элиты - это весьма внутренне подвижные группы маргиналов и свободных радикалов, перманентно собирающихся для достижения конкретных целей; это хорошо организованная вольница, без царя в голове, но с конкретным проектом своего «малого царства» на уме. Воровские элиты черпали свою власть в хаосе, самочинно присваивая чужие ресурсы. Фактически это был бунт внесистемной пассивности, решивший самоорганизоваться на принципах децентрализации и открытой селекции элитности. И главная кража была осуществлена в отношении самой царской власти. Целая плеяда самозванцев («воровских царей») была нацелена на воровство царских истин власти. Нет ничего ужаснее, чем украсть у народа Истину, подменив ее фальшивкой.

Смута XVII в. стала временем разграбления всего прежде нажитого национального материального достояния и духовного достоинства. Элита-воров во главе с вором-царем расхитили все богатства прежних правителей. Наблюдавший за «ворами» дьяк И. С. Тимофеев, сравнивает ссоры и соперничество приспешников Лжедмитрия I с грызней собак из-за добычи [Временник. 1951 : 261]. Разворовывание национального богатства – есть первейшая задача политиканов смутного времени. Тем самым они компенсируют свой комплекс неполноценности, мешавший им в нормальное время нормально по меркам того времени делать свою деловую карьеру. Разорение страны означает стремительное обнищание общественного большинства при весьма сомнительном обогащении даже не меньшинства, а отдельных единиц этого меньшинства. Поэтому вор – самый главный вредитель земли Русской.

Между двумя великими русскими Смутами случилось ещё два великих и страшных для власти русских бунта (Разинский и Пугачевский), которые сотрясли умы россиян, но не поколебали устои государственности. Власть жестоко отомстила народу за его свободоволие, сама испугалась и затем сама же пугала народ, дабы более он не думал о страшном и безжалостном русском бунте. Копившаяся веками негативная энергия социально-политического протеста, выплеснулась с еще более чудовищной силой вначале в событиях 1905–1907 гг., а затем и в кошмаре 1917–1922 гг. Самое страшное, что могло когда-либо с нами произойти – это кровавая гражданская война.

Смута Великой русской революции (1917 – 1922 гг.). Мы намеренно оставляем за скобками нашего анализа историю революции 1905–1907 гг., расценивая её в качестве генеральной репетиции более серьёзного социально-политического потрясения. Двойная революция 1917 г. повлекла за собой кровавые события Гражданской войны (1918–1922 гг.), которые стали новой русской Голгофой [1917 год, 1927; Сазонов, 2002 : 334; Деникин, 2006]. Россия умылась своей собственной кровью, понесла колоссальные невосполнимые людские, моральные и материальные потери.

Ставя диагноз Великой русской революции, М. О. Меньшиков в качестве основной причины указывал неудачную «революцию сверху», которую пытался провести русский царизм во второй половине XIX столетия. Русский цар объявил «дворянству, что лучше пусть революция будет сверху, чем снизу. Он не догадывался, что если в то время о революции снизу не было и намека, то "революция сверху" уже шла, бессознательно и безотчетно, движимая всеильным духом века, давлением идей, стремлением правительства отстоять порядок» [Меньшиков, 2000 : 28]. Царская элита никогда не была в белоснежных ризах истории. Предчувствуя агонию самодержавия, она болезненно переживала кризис этой политической системы, неловко пыталась подправить ее в наиболее «значных местах». Имперская элита перепутала целеполагание – надо было спасти не себя, а Россию; надо было откладывать не на черный день, а на темную ночь. Именно окончательное потеря элитой своей элитности (качества внутреннего достоинства) следует считать одним из ключевых условий возникновения новой русской смуты. Смута – это поток тьмы, обрушившийся на Россию за ее чрезмерную доверчивость к самодержавной власти.

Смута это, прежде всего, информационный, эмоциональный и моральный хаос; разложение семейных, социальных, культурных уз, падение доверия ко всему и всем. В те дни на голову обывателя «сыпался целый букет

фактов — достоверных, сомнительных и неправдоподобных», которые нельзя было рассортировать даже умудренных политическим опытом умам [Милюков, 1955, т. 2 : 270]. Многие впрочем, и не пытались их сортировать, понимая всю безнадежность этого занятия. Выигрывал лишь тот, кто сам целенаправленно распространял эти потоки дезинформации и только до тех пор, пока она сохраняла свою актуальность. Смута поэтому оставляет после себя весьма смутные исторические воспоминания. Скопившиеся в информационном поле неточности, суммарно составляют непроглядную «тьму времени», о котором мы не можем установить однозначную научную истину — слишком много условного и субъективного.

Во время Смуты политические противники подозревали друг друга в вынашивании более сложных политических комбинаций (с непременно изошренных коварным замыслом), чем они были на самом деле, от чего заговоры мерещились везде, где только можно было их себе представить. В этой связи характерно замечание П.Н. Милюкова о природе власти Временного правительства: «Если я не говорю о ней здесь яснее, то потому, что наблюдая факты, я не догадывался об их происхождении в то время и узнал об этом лишь значительно позднее периода существования Временного правительства [Милюков, 1955, т.2 : 333]. Все терялись в догадках и путались в своих показаниях. Все в это время занимали не свои, а чужие места. И каждый путался в том, кто он, что должен делать и что на самом деле делает. Все были во временном состоянии. Все были временными людьми. Лидер кадетов П. Н. Милюков, председатель Земгора князь Г. Е. Львов и октябрист А. И. Гучков сами мечтали о власти, не подозревая о том, что какой она у них будет временной...

Смута рождает чудовище гражданской войны, от которого не возможно никому и нигде скрыться. Это время, когда ни на кого нельзя было положиться — все непременно обманут. Предательством мыслили, предательством жили, на предательстве все и сидели. Смута — это время, когда все друг друга поносят и обвиняют в предательстве и служению темным силам. Все друг в друге видят демонов, при этом отказываясь замечать своих. Так, помощник августейшего Главнокомандующего армиями генерал от кавалерии В. В. Сахаров (1853–1920) назвал отречение царя «гнусным предложением» Родзянко и утверждал, что «не русский народ задумал это злодеяние, а разбойничья кучка людей, именуемая Государственной Думой» [Записки великого князя, 2008]. В свою очередь сам М. В. Родзянко обвинял министров в преступном бездействии и отчаянно взывал к Государю о восстановлении утраченного доверия между властью и обществом, призывая его лично обратиться за помощью к русскому народу. «Бьет двенадцатый час, — отчаянно призывал царя к благоразумию председатель государственной Думы, — и слишком близко время, когда всякое обращение к разуму народа станет запоздалым и бесполезным» [Записка М. В. Родзянко, 1925 : 86].

В глазах друг друга соперники казались откровенными чудовищами. Императрица представляла главных заговорщиков (Гучков и К^о) в виде «пауков», которые постоянно плетут против монархии паутину коварных заговоров и интриг (распространяют ложь, подстрекают к неповиновению и т.д.) [Переписка, 1924, т.2 : 192]. И сами «пауки» отвечали ей взаимностью. О своей отрицательной оценки влияния Императрицы на государственные дела России царю открыто говорили даже и его министры. Реакция (как в случае с С.Д. Сазоновым) была отрицательной — царь предпочитал этого не слышать и отправлять неудобных министров в отставку [Сазонов, 2002 : 333]. С. Д. Сазонов открыто указывал на нездоровый психический характер отношения Александры Федоровны к власти, на то, что она сама была марионеткой в руках «беззастенчивых людей» (намёк на Распутина) [Сазонов, 2002 : 337].

Не мало масла в огонь подливал и сам Государь. Из дневников последнего русского самодержца видно, что он вел аполитичный образ жизни — играл в домино, стрелял ворон и совершенно не обращал внимания на начавшееся обрушение своей империи [Дневники императора Николая II, 2013]. Он был скверным «хозяином земли Русской». Никчемный царь вызывал в общественных кругах презрение, которое выражалось в уничижительным прозвище «Николашка»). Проводимую им политику можно охарактеризовать как предательство национальных интересов России на фоне последних успехов его дипломатии во главе с С. Д. Сазоновым (проблема проливов). Образно говоря, «дворцовые крысы» подточили несущие конструкции Империи изнутри, которая и рухнула от первого внешнего толчка революционной общественности.

Абсолютная власть оскорбительна для свободной личности. Особенно тогда, когда она ассоциируется с ничтожной личностью правителя¹⁵. Личность последнего русского самодержца вызывала сожаление даже у его

¹⁵ Пытаясь обелить царя, монархисты всячески подчеркивали трагическую жертвенную роль, которую он сыграл в это Смутное время. «В эту тяжелую для Него минуту Государь уже был одинок. Вокруг Него не толпились более

ближайшего окружения. Так, известный специалист по коннозаводству и издатель черносотенных брошюр и газет генерал Д. Н. Дубенский выполнял в Ставке «паразитарную функцию царского историографа», в августе 1917 г. дал показания Чрезвычайной Комиссии Временного Правительства. «В руки комиссии попал дневник Дубенского, на страницах которого он весьма откровенно описывал отношения царя и царицы. И эти показания существенно разнятся по тону, по целому ряду любопытных деталей от ретушированных и подправленных мемуаров»: «Государь был в полном подчинении. Достаточно было их видеть четверть часа, чтобы сказать, что самодержцем была она, а не он. Он на нее смотрел, как мальчик на гувернантку, это бросалось в глаза. Когда они выезжали, и она садится в автомобиль, он только и смотрит на Александру Федоровну. По-моему, он просто был влюблен...» [Падение царского режима, 1925. т. VI : 383].

Поведение последнего русского самодержца напоминало тактику перепуганного страуса. В феврале 1917 г. М. В. Родзянко писал царю: «В минуту грозной опасности самая плохая политика – закрывать глаза на всю серьезность сложившейся обстановки. Надо смело глядеть в ее лицо, так как в этом случае не исключена возможность отыскать какой-либо счастливый выход. Положение России сейчас катастрофическое и вместе с тем глубоко трагическое. ...Со всех концов России приходят вести одна другой безотраднее, одна другой горше» [Записка М. В. Родзянко, 1925 : 69].

Британский посол в России (1910–1918 гг.) Дж. У. Бьюкенен (1854–1924) во время своей последней встречи с императором в январе 1917 г. якобы, сказал ему: «Меня можно осуждать, но оправданием мне служит верность Вашему Величеству и Императрице, в которой я черпаю вдохновение. Увидев, что мой друг идет тёмной ночью пешком по лесной дороге, которая, как мне известно, заканчивается обрывом, не должен ли я буду, сэр, предостеречь его об опасности? И я тем более считаю своим долгом предупредить Ваше Величество о бездне, которая находится впереди Вас. Вы подошли, сэр, к развилке и должны теперь сделать выбор между двумя путями. Один приведёт Вас к победе и славному миру, другой – к революции и катастрофе. Позвольте мне просить Ваше Величество выбрать первый» [Бьюкенен, 2005]. Но царь так до конца никакого выбора не сделал. Выбор за него сделала сама Россия.

Ближайшее окружение царя выдает историкам противоречивые свидетельства о его поведении в момент отречения. Так генерал-адъютант Н. В. Рузский (1854–1918) путается в своих воспоминаниях, указывая то на решимость и мужественность Государя, то на его апатию и безразличие к ведению государственных дел [Рузский, 1990 : 152-153]. Ко всему прочему царь оказался еще и в информационной блокаде. По воспоминаниям генерал-майора Отдельного жандармского корпуса П. П. Заварзина (1868–1932), последнему министру внутренних дел Империи (с 20.12.1916 – 28.02.1917) А. Д. Протопопову (1866–1918) была доподлинно известна работа многих политиков (в том числе и членов Думы) по подготовке дворцового переворота, но тот не только не принимал никаких мер, но даже не докладывал о них Государю [Заварзин, 1930 : 208]. Царь уходил в себя, замыкался на семье, видя в ней спасительный круг от саморазрушения его личности. А самым настоящим проклятьем его семьи стал Распутин, превращенный либеральной публицистикой в исчадие ада, разврата и декаданса.

Историки до сих пор сталкиваются с противоречащей друг другу информацией, потому, что современники тех событий сами часто путаются и противоречат друг другу. По данным Петроградского начальства, спекуляции вокруг дефицита хлеба в феврале 1917 г. в столице носили надуманный провокационный характер, поскольку и генерал С. С. Хабалов (во время революции командующего Петроградским военным округом), и градоначальник А. П. Балка утверждали, что в городе были запасы хлеба на 12–22 дня [Гибель царского Петрограда, 1991]. По мнению некоторых историков, в качестве непосредственного организатора блокады поставок хлеба выступил активный участник заговора против Николая II и один из руководителей министерства путей сообщения перед Первой мировой войной Ю. В. Ломоносов (1876–1952) [Ломоносов, 1919]. 28 февраля 1917 г. вместе с инженером-гутейцем А.А. Бубликовым (1875–1941) взял под контроль ж/д пути на Петроград и приказал даже остановить царский поезд, вышедший из Ставки в Царское Село [Кинг Г., Вильсон П., 2005 : 111]. Двойной саботаж удался и это лишний раз свидетельствует о слабости и дезориентации царской власти в канун ее падения. Царь и

подобострастно кланявшиеся Ему советники и придворные, заботившиеся только о своих личных интересах, а потому величайшая жертва своим положением Самодержавного Монарха Российской Империи, принесенная Им русскому народу в целях избегнуть кровопролития, была актом Его свободной воли, вдохновленной беспредельной любовью к России». [Курлов, 1992 : 92]

его окружение оказались беспомощными заложниками этой ситуации, тогда как при любом другом более сильном правителе этой династии она была бы разрешена в считанные часы. Но подбор ненужных кадров сделал свое дело. Нарушенная селекция элиты привела к тому, что у власти оказались люди никчемные, весьма жалкие посредственности.

О разложении власти писали впоследствии и сами министры царского правительства. Так, министр иностранных дел Российской Империи (1910–1916 гг.) *Сергей Дмитриевич Сазонов* (1860–1927) в своих «Воспоминаниях» отмечал, что после его ухода с поста министра, «высшая правительственная власть в империи стала на наклонную плоскость, по которой она должна была скатиться в пропасть, положение правительства делалось с каждым днем все более неустойчивым и разъединенным в своем составе» [Сазонов, 2002 : 314]. Самых министров он характеризовал как «гробовщиков русского государства», переживших самих себя и утративших «понимание государственных дел» [Сазонов, 2002 : 314]. И вся эта политическая несостоятельность находила поддержку при царском дворе и пользовалась его расположением. После убийства Столыпина, в России не нашлось равного ему по силе государственного человека, который смог бы справиться с вирусом революционного брожения [Сазонов, 2002 : 320]. По мнению С. Д. Сазонова (свояка П. А. Столыпина), именно роковой выстрел в Столыпина и стал основной причиной гибели Империи. Монархия, по его мнению, сама себе вынесла приговор и исполнила его руками своих бездарных правителей...

Каждый отдельно взятый министр был по-своему умен и честолюбив [Сазонов, 2002 : 328]. Но все вместе взятые они представляли собой гремучую смесь некомпетентности и коррупции. Соперничество выражалась в личных нападках и в мелких служебных интрижках. Власть занималась не делом, а непонятной возней. На решение министров часто оказывало влияние не государственные интересы, а мнения многочисленных «друзей и родственников». Глубокий эгоизм мешал деловому тону и доверительному характеру работы. Формализм и бюрократизм делали правительство не работоспособным. «Такое повиновение букве закона в *смутное время*, [Выделено – П. К.] которое переживала Россия, борясь одновременно с внешним врагом и с поднимавшей голову революцией, угрожало самому ее существованию» [Сазонов, 2002 : 334].

По мнению С. Д. Сазонова, одаренных людей в правительстве канула Великой русской революции можно было сосчитать по пальцам одной руки. К числу самых одаренных он относил бывшего министра внутренних дел П. Н. Дурново, который сломал «себе шею в результате инцидента романического характера, где голос страсти заглушил у него разум» [Сазонов, 2002 : 329]. Данная им характеристика этого деятеля весьма интересна с точки зрения элитологии истории: «По природным дарованиям Дурново должен был быть поставлен выше Щегловитова. – Рассуждает Сазонов. – Он был, в полном смысле слова, блестящим самородком. Обладая научным багажом штурманского офицера и лишенный общей культуры, Дурново проложил себе путь к высшим государственным должностям своим трезвым умом и сильной волей. Достигнув высших степеней, он тем не менее никогда не мог отделаться от свойственного ему полицейского мировоззрения. Сравнение его с графом Витте напрашивается само собой. В отношении отсутствия воспитания и культуры они оба стояли на одном приблизительно уровне. Что касается твердости воли и практического смысла, я думаю, что Дурново заслуживал пальму первенства. Обоим пришлось иметь дело с революцией. Дурново смело с ней сцепился и боролся удачно. Витте, как человек с двоящимися мыслями, сложил перед ней оружие. На счастье России явился Столыпин и дал ей десять лет передышки. Эти льготные годы не были, однако, использованы его преемниками для закрепления достигнутых им успехов» [Сазонов, 2002 : 329]. Столыпинская тема как упущенный альтернативный исторический шанс развития России будет и в дальнейшем неоднократно всплывать в российских либеральных кругах. С. Д. Сазонов активно настаивает на этом тезисе, полагая, что самодержавие само себя погубило, устранив из мира политики такие крупные величины, как Петр Аркадьевич Столыпин.

П. Н. Дурново был исключением из общего деструктивного правила селекции русской элиты. Большинство составляли люди психически неуравновешенные и культурно нестабильные. В отношении некоторых министров последних царских правительств выдвигались конкретные обвинения в психическом расстройстве. Так, у министра внутренних дел Империи А. Д. Протопопова в 1915–1916 гг. бывали психотические эпизоды, во время которых он полностью терял контроль над собой: страдал галлюцинациями, бегал на четвереньках, катался по полу, покушался на самоубийство. Врачи установили, что он страдал циркулярным психозом [Колышко, 2009]. «Самый вредный, самый страшный человек для государства, для этой разрухи оказался Протопопов. – Вспоминал впоследствии М.В. Родзянко. – На меня всё это производит такое впечатление, что последствия ужасные, но сде-

лано это недостойным, незначительным человеком, потому что он больной человек, я это положительно утверждаю. У него мания величия, он какой-то ясновидящий... Он как закатит глаза, так делается как глухарь — ничего не понимает, не видит, не слышит. Я позволю себе утверждать, что это ненормальный человек» [Падение царского режима, 1927. т. VII : 152].

Свою несомненно весомую роль в развитии новой русской смуты сыграло и царское чиновничество. Многие знают, что в России есть начальство, которое выше царской власти, и власти всех генсеков и президентов. Имя этому всеильному начальству – чин, бюрократия. Ещё Николай I открыто считал эту преграду непреодолимой. Бюрократический чин – главный хозяин российского государства и главная точка пересечения всех социально-политических проблема. И главная проблема чиновничества всех времен, государств и народов – коррупция и кумовство. Разгул коррупции чиновников привел к полной дискредитации и разложению власти. Махровая коррупция – предвестник надвигающейся смуты. Много (если не все) делалось по личным связям и родству. Кумовство среди министров было делом обычным и мало порицаемым [Сухомлинов, 2005 : 301]. Когда политической начинают заниматься дилетанты, власть непременно оказывается в руках негодяев, ибо политическая демагогия никогда не приводила народ ни к чему хорошему.

Коды анатомических особенностей Смутного времени. В обоих случаях русской смуты действительно очень много схожего, как будто бы эти события были списаны под копирку: ослабление престиже центральной власти; деградация элиты; частая смена руководства; война; внутри гражданская смута; социальное обнищание масс; голод; иностранная интервенция; падение нравов и т.д. Все это указывает на существование неких общих кодов развития подобных историй. Попробуем теперь суммировать и систематизировать все вышеизложенное.

Первая причина всякой смуты – раскол элиты. Принято считать, что эффективная работа институтов государства во многом зависит от единства и качества профессиональной подготовки правящих элит. И напротив, ключевым условием складывающейся революционной ситуации является раскол элит, когда в результате негативных лавинообразных процессов происходит катастрофическое падение ее профессионального уровня, обнаруживается потеря политической ориентации, утрата воли и нравственной оценки действительности. Раскол элиты начинает проявляться в потере в ее рядах единomyслия и согласия, а завершается открытым политическим конфликтом. Раскол элиты становится главной угрозой национальной безопасности страны.

Политическая элита Российской Империи оказалась в состоянии энтропии – ее внутренняя неупорядоченность как системы власти наложилась на неопределенность геополитической ситуации. При этом энтропия нарастала с момента воцарения Федора Иоанновича и Николая II и выражалась в том, что все большее число элементов их политической системы оказывались вне поля их управленческого подчинения. И цари так и не сумели преодолеть хаос своего политического менеджмента. Как главный элитократор царь сам, в конце концов, оказался вне силового поля власти.

Еще в XVII в. дьяк И. С. Тимофеев отмечал, что некомпетентность элиты порождает управленческий хаос, что приводит к системному сбою работы всего государства в целом [Временник. 1951 : 244-246]. Нарушение объективного принципа селекции элит, приводит к ее деградации: «повсюду многие один за другими, за худыми более худшие стремились к власти, и день за днем и один за другим с злою ревностью устремлялись на злые (дела), чтобы ни один из них, даже и самый худший из всех не остался непричастным этому несвойственному им званию. Совершаемые такими людьми злодеяния были допущены из-за молчания тех, кто стоял у власти и не запрещал им страхом, или из-за бессильной слабости, потому что не истекло еще определенное им время» [Временник. 1951 : 246-247]. Примерно о том же свидетельствуют и авторы второго смутного времени. Это их общая карма.

Смутное время вызывает наибольшее число споров, поскольку до предела запутывает причинно следственные связи и даже современники тех событий бывают в затруднение сказать, что с чего у них там началось и чем закончилось и закончилось ли вообще. Особенно трудным становится отделять невиновных от виноватых, поскольку в грехе Смуты оказываются повинны все, но каждый в разной мере [Временник. 1951 : 264]. Все в это время умом своим развратились, посчитав себя правомочными творить по своему разумению насилие. Никто в это время «нисколько не боясь ни бога, ни царя и не стыдясь людей» добивался своего, попирая интересы других [Временник. 1951 : 275; 286]. Речь фактически идет о возвращении активного большинства к состоянию «войны всех против всех». Во время Смуты каждый сам за себя и не находится никого, кто бы был за Отечество, да и патриотам за державу уже не обидно, потому что никакой державы уже нет.

Децентрализация власти приводит к возникновению множества самоуправляемых центров политических сил, которые насильем своим пытаются утвердиться в качестве главной доминанты. Смута – это фрагментация вертикали власти. Распад прежних связей и традиционных стереотипов понимания механизма функционирования государственного аппарата. Смута это и обнуление всех прежних достоинств и пороков. К власти приходят случайные люди, заботящиеся исключительно о собственном благополучии.

Свой вариант анатомии русской смуты предложил еще в XVII в. часто цитируемый нами в этой работе дьяк И. С. Тимофеев, который выделил следующие 11 её пороков: 1) клятвопреступление; 2) «безумная гордость»; 3) всеобщее лицемерие и попираание Истины; 4) «потерю между собой общего любовного союза»; 5) пьянство и обжорство, приводящие к блуду; 6) «злопамятность по отношению к близким»; 7) «ненасытное сребролюбие»; 8) «самолюбивую ненависть к братьям»; 9) воровство и «безобразное хвастовство» богатством; 10) злословие и «матерные скверные слова»; 11) одичание нравов [Временник. 1951 : 264-265]. Все это мы обнаруживаем и на страницах истории второй русской смуты, случившейся с нами уже в самом начале XX столетия. Всё это и является её общим кодом.

Следует также отметить, что империя развалилась ещё и потому, что должным образом не развивались общественные науки. Когда творческая интеллигенция начинает работать против своего государства, власть теряет идеологический контроль над политическими процессами и перестаёт быть духовным авторитетом. Интеллигенция оказалась не на стороне властей, а на стороне тех сил, которые ей противостоят. Апологеты традиционализма сетовали на то, что царизм сам взрастил этот протестный слой общества. «У нас, как и всюду в свете, ближайшим деятелем революции явилась интеллигенция – разночинный, междусловный класс, у которого историческое миросозерцание было заменено философским, притом дурного сорта. Поразительно видеть, до какой степени власть наша старалась о размножении интеллигенции, о демократизации знания, о принижении древнего сословного духа, который вынес Россию – как и другие страны – из средних веков» [Меньшиков, 2000 : 27]. Научное сообщество предчувствовало наступление системного кризиса. Примечательно и то, что главные русские источники по смутному времени XVII в. (Палицын и Хворостинин) были переизданы накануне второй русской великой смуты (соответственно в 1909 и 1913 гг.). И в свою очередь, работы участников и очевидцев второй русской смуты (А. И. Деникин, П. Н. Милюков, С. Д. Сазонов и др.) начали активно переиздаваться в конце 1980 – начале 1990-х гг., когда Россия вновь оказалась на грани очередного гражданского и государственного расстройств...

* * *

Заключение. Диалектический подход предполагает выяснение не только отрицательных, но и положительных сторон исторического процесса. В чем позитивный опыт Смутного времени? Оно перезапускает ход истории нации, которая в силу различных причин пришла к системному кризису государства и стагнации национальной идеи. Падение империй всегда свершается изнутри, в результате деградации внутреннего качества, которое ранее приводило эту систему к возвышению и величию. Внешние толчки могут служить только в качестве детонатора, но не модератора деструктивного процесса. Наша история – это история канувших в небытие грехов. Мы те, кто пережил национальную катастрофу XX в. И нам важно знать, как, по каким причинам возникают подобные катастрофы, что они с собой несут и каковы их итоги. В конце XX в. Россия вновь оказалась на пороге очередного потрясения. Она чудом прошла по «лезвию исторического ножа» и чуть было вновь не окунулась в кровавую круговерть смутного времени. Россия времен «лихих девяностых» – это «угасающая держава» на фоне торжества мировой гегемонии США. Это был «малый смутный период», завершившийся относительно ровной политической стабилизацией, новой укреплении вертикали власти, при сохранении относительной социальной напряженности. Отдельные элементы Смуты могут проявлять себя и в иные времена. Но следует опасаться не эти частные случаи, а возможность их складывания в определенную систему. Власть должна точно бороться с этими негативными проявлениями, исправляя их по мере их возникновения, а не затягивать проблемы и ждать когда они сложатся в очередную революционную ситуацию...

ЛИТЕРАТУРА

1. 1917 год, 1927–1917 год в документах и материалах. Буржуазия накануне Февральской революции. Изд. Б. Б. Граве, М.-Л., 1927.
2. Будило, 1872 – Будило И. Дневник событий, относящихся к Смутному времени (1603–1613 гг.), известный под именем Истории ложного Димитрия // Русская историческая библиотека. Т. 1. СПб., 1872. С.82-364.

3. Бьюкенен, 2006 – Бьюкенен Д. У. Моя миссия в России. Воспоминания английского дипломата. 1910–1918. М.: Центрполиграф, 2006. 408 с.
4. Временник, 1951 – Временник Ивана Тимофеева / Пер. О.А. Державиной. М. - Л.: Изд. АН СССР, 1951. 512 с.
5. Гавриил Константинович, 2005 – Гавриил Константинович, Вел. кн. В мраморном дворце. М.: Захаров, 2005. 384 с.
6. Гибель царского Петрограда, 1991 – Гибель царского Петрограда: Февральская революция глазами градоначальника А.П. Балка // Русское прошлое: Ист.-док. альм. Л., 1991. № 1. С. 7-72.
7. Гурко, 2007 – Гурко В. И. Война и революция в России. Мемуары командующего Западным фронтом. 1914–1917. М., «Центрполиграф», 2007.
8. Деникин, 2006 – Деникин А.И. Очерки русской смуты: в 5 т. Париж; Берлин: Изд. Поволоцкого; Слово; Медный всадник, 1921–1926; М.: «Наука», 1991; «Айрис-пресс», 2006.
9. Дневники императора Николая II, 2013 – Дневники императора Николая II. 1894–1918. Том 2. 1905–1918. Ч. 2. 1914-1918 / Отв. ред. С.В. Мироненко. М.: РОССПЭН, 2013. 784 с.
10. Заварзин, 1930 – Заварзин П. П. Жандармы и революционера: Воспоминания. Париж, 1930.
11. Записка М. В. Родзянко, 1925 – Записка М. В. Родзянко. Февраль 1917 г. // Красный архив. Т.3. (10), 1925. С. 69-86.
12. Записки великого князя, 2008 – Записки великого князя Андрея Владимировича // Звезда. №4, 2008.
13. Карабущенко, 2008 – Карабущенко П. Л. Астраханское царство: воеводская власть и местное сообщество XVI–XVII веков. Монография. Астрахань, 2008. 504 с.
14. Кинг Г., Вильсон П., 2005 – Кинг Г., Вильсон П. Романовы. Судьба царской династии. М., ЭКСМО, 2005. 912 с.
15. Ключевский, 1988 – Ключевский В. О. Сочинения. В 9 т. Т.3. Курс русской истории. Ч.3. / Под ред. В. Л. Янина; Послесл. и коммент. Составители В. А. Александров, В. Г. Зимица. М.: Мысль, 1988. 414 с.
16. Кольшко, 2009 – Кольшко И. И. Великий распад: Воспоминания. СПб.: Нестор-История, 2009. 463 с.
17. Курлов, 1992 – Курлов П. Г. Гибель Императорской России. М.: Современник, 1992.
18. Ломоносов, 1919 – Ломоносов Ю. Воспоминания о мартовской революции 1917 года. Стокгольм. Берлин. 1919.
19. Меньшиков, 2000 – Меньшиков М.О. Письма к русской нации. М.: Издательство журнала «Москва», 2000. 560 с.
20. Милюков, 1955 – Милюков П. Н. Воспоминания. (1859–1917). В 2 т. Нью-Йорк: Изд-во км. Чехова, 1955, (переиздание – М., 1990, 2002). М.: Лань, 2013. Т.1. 210 с.; т. 2. 180 с.
21. Падение царского режима, 1925. т. VI; 1927. т. VII – Падение царского режима. Стенографические отчёты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства / под ред. П. Е. Щеголева. Л.: Ленгиз, 1925. т. VI. 415 с.; М.-Л.: ГИЗ, 1927. т. VII.
22. Палицын, 1909 – Палицын А. Сказание. СПб.: Изд. Императорской Археографической Комиссии. Тип. М. А. Александрова, 1909. ст.376.
23. Памятники Смутного времени, 2001 – Памятники Смутного времени. Тушинский вор: личность, окружение, время. Документы и материалы / Составление, вступительная статья и комментарии В.И. Кузнецова и И.П. Кулаковой. М.: Изд-во МГУ, 2001. 464 с.
- а. Переписка, 1924, т.2 – Переписка Николая и Александры Романовых. Изд. А.А. Сергеев. М.-Л., 1923–1927, т. 2. Рузский, 1990 – Рузский Н. В. Пребывание Николая II в Пскове. (Беседа с ген. С.Н. Вильчковским.) // Отречение Николая II. Воспоминания очевидцев. М.: Красная газета; 1990. 336 с.
24. Сазонов, 2002 – Сазонов С. Д. Воспоминания. Мн.: Харвест, 2002. 368 с.
25. Сказания, 1842 – Сказания польского историка Кобержицкого о походах польского короля Сигизмунда и королевича Владислава // Сын отечества, № 3. 1842. с.4-28.
26. Скрынников 1990 – Скрынников Г. Г. Самозванцы в России в начале XVII века. Григорий Отрепьев. Новосибирск: Наука, 1990. 238 с.
27. Скрынников 1988 – Скрынников Р.Г. Россия в начале XVII в. «Смута». М.: Мысль, 1988. 283 с.
28. Соловьёв, 2001 – Соловьёв С. М. История России с древнейших времён. М.: «АСТ», 2001. т.8. 754 с.
29. Старцев, 1996 – Старцев В. И. Русское политическое масонство начала XX века. СПб.: Третья Россия, 1996. 175 с.
30. Сухомлинов, 2005 – Сухомлинов В. А. Воспоминания. Мн.: Харвест, 2005. 624 с.
31. Хворостинин, 1913– Хворостинин И. А. Слова дня, и царей, и святителей московских // Платонов С. Ф. Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века как исторический источник. СПб., 1913. С. 230-240.

REFERENCES

1. 1917 god, 1927–1917 god v dokumentah i materialah. Burzhuzazija nakanune Fevral'skoj revoljucii. Izd. B. V. Grave, M.-L., 1927.
2. Budilo, 1872 – Budilo I. Dnevnik sobytij, odnosjashhishja k Smutnomu vremeni (1603–1613 gg.), izvestnyj pod imenom Istorii lozhnogo Dimitrija // Russkaja istoricheskaja biblioteka. Т. 1. SPb., 1872. S.82-364.
3. B'jukenen, 2006 – B'jukenen D. U. Moja missija v Rossii. Vospominanija anglijskogo di-plomata. 1910–1918. М.: Cen-trpoligraf, 2006. 408 s.

4. Vremennik, 1951 – Vremennik Ivana Timofeeva /Per. O.A. Derzhavinoj. M. - L.: Izd. AN SSSR, 1951. 512 s.
5. Gavriil Konstantinovich, 2005 – Gavriil Konstantinovich, Vel. kn. V mramornom dvorce. M.: Zaharov, 2005. 384 s.
6. Gibel' carskogo Petrograda, 1991 – Gibel' carskogo Petrograda: Fevral'skaja revoljucija glazami gradonachal'nika A. P. Balka // Russkoe proshloe: Ist.-dok. al'm. L., 1991. № 1. S. 7-72.
7. Gurko, 2007 – Gurko V.I. Vojna i revoljucija v Rossii. Memuary komandujushhego Zapad-nym frontom. 1914–1917. M., «Centropoligraf», 2007.
8. Denikin, 2006 – Denikin A.I. Ocherki russoj smuty: v 5 t. Parizh; Berlin: Izd. Povolockogo; Slovo; Mednyj vsadnik, 1921–1926; M.: «Nauka», 1991; «Ajris-press», 2006.
9. Dnevnik imperatora Nikolaja II, 2013 – Dnevnik imperatora Nikolaja II. 1894–1918. Tom 2. 1905–1918. Ch. 2. 1914–1918 /Otv. red. S.V. Mironenko. M.: ROSSPJeN, 2013. 784 s.
10. Zavarzin, 1930 – Zavarzin P. P. Zhandarmy i revoljucionera: Vospominanija. Parizh, 1930.
11. Zapiska M. V. Rodzjanko, 1925 – Zapiska M. V. Rodzjanko. Fevral' 1917 g. // Krasnyj ar-hiv. T.3. (10), 1925. s. 69-86.
12. Zapiski velikogo knjazja, 2008 – Zapiski velikogo knjazja Andreja Vladimi // Zvezda. №4, 2008.
13. Karabushhenko, 2008 – Karabushhenko P.L. Astrahanskoe carstvo: vovodskaja vlast' i me-stnoe soobshhestvo XVI–XVII vekov. Monografija. Astrahan', 2008. 504 s.
14. King G., Vil'son P., 2005 – King G., Vil'son P. Romanovy. Sud'ba carskoj dinastii. M., JeKSMO, 2005. 912 s.
15. Ključevskij, 1988 – Ključevskij V.O. Sochinenija. V 9 t. T.3. Kurs russoj istorii. Ch.3. /Pod red. V.L. Janina; Poslesl. i komment. Sostaviteli V.A. Aleksandrov, V.G. Zimi-na. M.: Mysl', 1988. 414 s.
16. Kolyshko, 2009 – Kolyshko I. I. Velikij raspad: Vospominanija. SPb.: Nestor-Istorija, 2009. 463 s.
17. Kurlov, 1992 – Kurlov P. G. Gibel' Imperatorskoj Rossii: M.: Sovremennik, 1992.
18. Lomonosov, 1919 – Lomonosov Ju. Vospominanija o martovskoj revoljucii 1917 goda. Stokgol'm - Berlin. 1919.
19. Men'shikov, 2000 – Men'shikov M.O. Pis'ma k russoj nacii. M.: Izdatel'stvo zhurna-la «Moskva», 2000. 560 s.
20. Miljukov, 1955 – Miljukov P.N. Vospominanija. (1859 - 1917). V 2 t. N'ju-Jork: Izd-vo km. Chehova, 1955, (pereizdanie M., 1990, 2002). M.: Lan', 2013. T.I. 210 s.; t. 2. 180 s.
21. Padenie carskogo rezhima, 1925. t. VI; 1927. t. VII – Padenie carskogo rezhima. Steno-graficheskie otchjoty doprosov i pokazanij, dannyh v 1917 g. v Chrezvychajnoj sledst-vennoj komissii Vremennogo pravitel'stva / pod red. P.E. Shhegoleva. L.: Lengiz, 1925. t. VI. 415 s.; M.-L.: GIZ, 1927. t. VII.
22. Palicyn, 1909 – Palicyn A. Skazanie. SPb.: Izd. Imperatorskoj Arheograficheskoj Komissii. Tip. M.A. Aleksandrova, 1909. st. 376.
23. Pamjatniki Smutnogo vremeni, 2001 – Pamjatniki Smutnogo vremeni. Tushinskij vor: lichnost', okruzenie, vremja. Dokumenty i materialy /Sostavlenie, vstupitel'naja sta-t'ja i kommentarii V.I. Kuznecova i I.P. Kulakovo. M.: Izd-vo MGU, 2001. 464 s.
24. Perepiska, 1924, t.2 – Perepiska Nikolaja i Aleksandry Romanovyh. Izd. A.A. Serge-ev. M.-L., 1923-1927, t. 2.
25. Ruzskij, 1990 – Ruzskij N. V. Prebyvanie Nikolaja II v Pskove. (Beseda s gen. S.N. Vil'chkovskim.) // Otrechenie Nikolaja II. Vospominanija ochevidcev. M.: Krasnaja gazeta; 1990. 336 s.
26. Sazonov, 2002 – Sazonov S.D. Vospominanija. Mn.: Harvest, 2002. 368 s.
27. Skazanija, 1842 – Skazanija pol'skogo istorika Koberzhickogo o pohodah pol'skogo ko-rolja Sigizmunda i korolevicha Vladislava // Syn otechestva, № 3. 1842. s.4-28.
28. Skrynnikov 1990 – Skrynnikov G.G. Samozvancy v Rossii v nachale XVII veka. Grigo-rij Otrep'ev. Novosibirsk: Nauka, 1990. 238 s.
29. Skrynnikov 1988 – Skrynnikov R. G. Rossija v nachale XVII v. «Smuta». M.: Mysl', 1988. 283 s.
30. Solov'jov, 2001 – Solov'jov S. M. Istorija Rossii s drevnejshih vremjon. M.: «AST», 2001. t.8. 754 s.
31. Starcev, 1996 – Starcev V. I. Russkoe politicheskoe masonstvo nachala XX veka. SPb.: Tret'ja Rossija, 1996. 175 s.
32. Suhomlinov, 2005 – Suhomlinov V. A. Vospominanija. Mn.: Harvest, 2005. 624 s.
33. Hvorostinin, 1913 – Hvorostinin I.A. Slovesa dnei, i carej, i svjatitelej moskov-skih // Platonov S. F. Drevnerusskie skazania i povesti o Smutnom vremeni XVII veka kak istoricheskij istochnik. SPb., 1913. s.230-240.

ОБ АВТОРЕ

Карабущенко Павел Леонидович, доктор философских наук, профессор, Астраханский государственный университет, 414056, Астрахань, Татищева 20а., E-mail: Pavel_karabushenko@mail.ru
Karabushenko Paul Leonidovich, Doctor of Philosophy, professor, Astrakhan state university, 414056, Astrakhan, Tatischev 20a, E-mail: Pavel_karabushenko@mail.ru

Дата поступления в редакцию 28.11.2018